

Геннадий Геннадьевич СОРОКИН¹
Вера Владимировна ГАВРИЛЮК²

УДК 316.628-053.9

ГЕРОНТООБРАЗОВАНИЕ КАК СПОСОБ СОКРАЩЕНИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ ДИСТАНЦИИ ПОКОЛЕНИЙ

¹ кандидат социологических наук,
доцент кафедры бизнес-информатики и математики,
Тюменский индустриальный университет
sgenal@yandex.ru

² доктор социологических наук, профессор,
Институт менеджмента и бизнеса,
Тюменский индустриальный университет
gavriulik@list.ru

Аннотация

В статье анализируются причины и специфика конфликта молодежи и старшего поколения в современном обществе. Данный анализ необходим для поиска путей реинтеграции пожилых людей во все сферы общественной жизни. На характер взаимодействия поколений существенное влияние оказывает фактор дефицита в обществе сфер бесконфликтного взаимодействия молодежи и пожилых людей. Одной из таких сфер являются практики образования старшего поколения. В работе исследуются аспекты взаимодействия субъектов программ геронтообразования: ценностный (взаимодействие различных систем ценностей), статусный (взаимодействие социальных ролей ученика и учителя), культурный (взаимодействие различных типов социализации). Опыт предотвращения и разрешения межпоколенческих конфликтов, накопленный геронтообразованием, может быть экстраполирован на практики взаимодействия поколений в различных сферах общественной жизни. Авторы приходят к выводу о целесообразности разработки стратегии сближения поколений, основывающейся на

Цитирование: Сорокин Г. Г. Геронтообразование как способ сокращения межкультурной дистанции поколений / Г. Г. Сорокин, В. В. Гаврилюк // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2017. Том. 3. № 2. С. 36-52.

DOI: 10.21684/2411-7897-2017-3-2-36-52

высокой оценке их представителями образования как жизненной ценности. Данная стратегия может быть реализована в рамках программ образования старшего поколения. Содействие установлению межпоколенческого диалога в обществе определяется авторами в качестве одной из миссий современного геронтообразования.

Ключевые слова

Социология образования, социология старости, конфликт поколений, межпоколенческое взаимодействие, образование пожилых людей.

DOI: 10.21684/2411-7897-2017-3-2-36-52

Катализатором обострения ценностного конфликта поколений всегда выступают социальные преобразования, в какой бы форме они ни происходили — революции, трансформации, смены политического режима. В настоящее время характер взаимодействия представителей различных поколений в обществе все чаще описывается исследователями в терминах, означающих нарастание конфронтации и увеличение социальной дистанции: «конфликт», «раскол», «рессентимент», «разрыв». Отмечается, что межпоколенческие взаимодействия теряют традиционную конфигурацию противостояния отцов и детей. Они принимают более сложную форму: юношество — люди среднего возраста — пожилые. Помимо этого, из чисто семейного противостояния они все больше переносятся в сферу социальных отношений на макроуровне [18]. Учеными называются различные причины межпоколенческого конфликта: от стремления молодежи занять главенствующие позиции в обществе (Т. Парсонс, Ж. Мандель, Л. Фойер) до гедонизма и лени, свойственных молодому поколению (К. Лоренц). Нельзя не согласиться с Д. Финдайсн, которая считает, что «...вопрос активного долголетия — на самом деле вопрос о сотрудничестве поколений... эти два вопроса взаимосвязаны» [14, с. 135]. Пока не решена проблема бесконфликтного взаимодействия поколений, любые мероприятия, направленные на интеграцию пожилых в производственно-экономическую сферу, повышение их социальной активности будут неэффективными и бессмысленными. К сожалению, приходится констатировать, что на сегодняшний день ни социальной практикой, ни наукой не предложено какой-либо эффективной стратегии сближения поколений.

Причины взаимного непонимания и конфронтации стариков и молодежи могут быть связаны с несовпадением рангов жизненных ценностей у данных генераций или различной интерпретацией одних и тех же ценностей. Степень межкультурной дистанции между этими поколениями гораздо выше, чем между современными родителями и детьми. Несмотря на конфликтность, присутствующую процессам интеракции поколений, в ценностных портретах пожилых людей и молодежи присутствует блок интегрирующих ценностей, актуальных для обоих субъектов взаимодействия. Данные ценности могут служить основой, отправной точкой для сближения генераций. Для российского общества и се-

годня характерно стремление к получению образования, потребность в высшем профессиональном образовании высказывает абсолютное большинство выпускников средних школ и их родителей. Высокий рейтинг образования в системах жизненных ценностей пожилых людей и молодежи является хорошей предпосылкой для установления позитивного и конструктивного диалога между представителями различных поколений в рамках специализированных проектов образования пожилых.

В настоящее время по всему миру отмечается рост популярности программ образования старшего поколения (геронтообразования). Подавляющее большинство пожилых граждан, нацеленных на продолжение образования, отдает предпочтение специализированным проектам, ориентированным на «третий возраст». Возникнув изначально как форма развлечения для состоятельных пожилых граждан, сегодня проекты геронтообразования ориентируются на решение широкого круга социальных задач — от поддержания хорошей физической формы слушателей до повышения их профессиональной квалификации и трудоустройства. Обучение в рамках специализированных образовательных программ, наряду с самообразованием, становится ведущей формой образования в пожилом возрасте. В Европе и Америке в различных формах обучения по программам университетов третьего возраста сегодня участвует более 2 200 000 чел. [7, с. 46]. Не отстают и азиатские страны. В Южной Корее официально зарегистрировано 426 академий, которые посещают более 41 тысячи человек в возрасте старше 60 лет [6, с. 58]. В Китае в настоящее время действует около 5 тыс. университетов третьего возраста, в которых учится около 1 млн человек старше 60 лет [5, с. 164]. В России в различных образовательных проектах ежегодно участвует около 90 000 пожилых людей.

В ситуациях, когда межпоколенческое взаимодействие обуславливается требованиями формальных правил и норм, конфликт поколений нередко становится явным и переходит в активную фазу. Например, опыт работы учреждений социальной защиты позволяет констатировать, что большая возрастная разница между специалистами и клиентами является существенным фактором, осложняющим, а иногда и препятствующим успешному осуществлению социальной работы с пожилыми людьми [17, с. 170]. Аналогичная ситуация может возникнуть и в образовательных программах, ориентированных на третий возраст. В данном случае имеет место переход проблем межпоколенческого взаимодействия из повседневной жизни в образовательные практики. Особенности интеракции представителей различных поколений в современном обществе оказывают влияние на формирование качественных характеристик геронтообразования, эффективность его функционирования и динамику развития. Незначительный и по масштабам, и по времени существования российский опыт геронтообразования не позволяет утверждать, что оно станет панацеей конфликта поколений, более того, этот конфликт может существовать и в самом геронтообразовании. Конфликт систем ценностей «отцов» и «детей» — это, конечно же, не специфическая черта геронтообразования, а скорее харак-

тер межпоколенной интеракции в обществе в целом. В то же время геронтообразование — это сфера взаимодействия поколений, в которой возможен поиск способов сокращения межкультурной дистанции, способов преодоления межпоколенческой конфронтации ценностей.

Неотъемлемым составляющим программ геронтообразования является взаимодействие представителей различных генераций. В рамках нашего исследования представляется целесообразным рассмотреть три аспекта данной интеракции, необходимых как для определения направлений повышения эффективности образовательных программ, так и для сокращения межкультурной дистанции в обществе в целом:

- взаимодействие различных систем ценностей;
- взаимодействие специфических социальных ролей и статусов;
- взаимодействие префигуративной и постфигуративной культуры.

Рассмотрим каждый из названных аспектов.

Взаимодействие различных систем ценностей. Достаточно часто конфронтация молодежи и стариков представляется в форме противоречия различных систем ценностей. Еще два десятилетия назад ценностный конфликт поколений в российском обществе не был ярко выраженным. По результатам нашего исследования, в конце XX в. этот факт объяснялся двумя обстоятельствами. Во-первых, в 90-е гг. «подростковый период» (своеобразную перестройку систем жизненных ценностей) переживало все общество. Для представителей среднего и старшего поколений «...открывалось знание того, насколько иррационально пропитано мифами и идеологическими миражами их сознание, насколько оно неадекватно современной жизни» [3, с. 98]. Во-вторых, поколения начала новейшей истории России не были гомогенными, внутри них имело место деление на социальные группы по ценностным системам. Тем не менее, мы установили, что на систему (системы) жизненных ценностей старшего поколения по-прежнему оказывала влияние советская идеология, в то время как доминирующим детерминантом системы ценностей молодежи постепенно становились принципы рыночных отношений [3, с. 102]. Конфликт ценностей поколений в России стал отчетливо проявляться в начале XXI в. Радикальные трансформации в экономической, политической и социальной сфере российского общества инициировали изменения в структуре жизненных ценностей граждан РФ, отразились на их мировоззренческих установках. В этот период в активную самостоятельную жизнь вступает поколение россиян, процесс социализации которого практически не был подвержен влиянию советской идеологии. Система жизненных ценностей молодежи 2000-х гг. формируется с четкой установкой на мораль рыночного типа. Ю. М. Беспалова и С. М. Герцен, исследовавшие проблематику конфликта поколений в рассматриваемый период, на материале этого же российского региона (Тюменской области) констатировали доминирование у молодежи ценностей богатства, власти, социального успеха. При этом такие ценностные ориентации молодежи вызывали неодобрение в поколении отцов и стойкое неприятие в поколении

дедов [2, с. 117]. Именно в начале 2000-х гг. конфликт поколений в России приобрел свою современную конфигурацию.

Учитывая, что возрастные рамки категорий «молодежь» и «старшее поколение» достаточно размыты, для нашего исследования целесообразно сопоставить не только интегральные ценностные портреты поколений, но и системы ценностей представителей поколений (возрастных когорт), непосредственно взаимодействующих в практиках геронтообразования. В связи с этим мы обратились к анализу результатов исследований В. В. Семеновой и М. И. Постниковой, которые, независимо друг от друга, изучали ценности россиян в контексте межпоколенческих отношений. Исследования проводились по абсолютно разной методике, но полученные результаты оказались схожими и взаимодополняющими. Оба ученых выделяли в российском обществе несколько поколений. Для нас интерес представляет поколение «периода радикальных реформ» (20-30 лет) — «молодежь» и поколение «оттепели» (55-65 лет) — «старшее поколение».

Наиболее важными ценностями для поколения «оттепели» являются: жизнь, здоровье, семья, коллективизм, уважение окружающих, стабильность, самостоятельность. Рейтинг таких ценностей, как власть, общение с природой, физическое совершенство, напротив, оказался невысоким. Для этого поколения характерны проявление коллективизма, приоритетность таких ценностей, как стабильность в мире и государстве, безопасность общества и личности [10, с. 147-149]. Для поколения «периода радикальных реформ» главными ценностями являются: самореализация, образование, личные достижения, престижность профессии. Семейная сфера представляет для молодежи значительно меньшую ценность, чем сфера общественной жизни [10, с. 147-149].

В. В. Семенова выявила значительное расхождение в восприятии поколениями труда как жизненной ценности. По отношению к труду поколение «периода радикальных реформ» (автор использует термин «постпереломное поколение») дифференцировано на две категории. Первая находится под влиянием трудовой морали рыночного типа, рассматривает труд исключительно как средство получения выгоды. К данной категории автор относит бизнесменов и предпринимателей, а также жертв рыночных отношений (безработных, лишившихся работы). Для второй категории молодежи характерен «синдром гедонизма» — стремление жить ради удовольствия. В представлениях старшего поколения труд, в первую очередь, — это естественная человеческая потребность, долг перед Родиной, возможность реализовать себя в любимом деле. Отношение к труду как к источнику выгоды у поколения «оттепели» («доперестроечное поколение» в классификации автора) также присутствует, но не доминирует [12, с. 116]. В. В. Семенова выявила большую значимость образования как жизненной ценности у обеих сопоставляемых категорий. Но при этом автор отмечает, что интерпретация данной ценности несколько различается. Для поколения «оттепели» образование — это необходимое условие интеллектуального и духовного развития (духовно-деятельностная интерпре-

тация). Для поколения «периода радикальных реформ» образование — это рациональный минимум знаний, необходимых для жизни и деятельности (прагматически-рациональная интерпретация). Но такой утилитарный подход не делает молодежь менее образованным поколением, наоборот, он способствует гибкости и мобильности в определении и реализации образовательных целей. Автор характеризует молодых людей как грамотных, любознательных, здравомыслящих, прогрессивных, ориентированных в своем развитии на новые технологии [12, с. 123].

Опираясь на предложенную нами методику изучения динамики ценностных ориентаций (В. В. Гаврилюк и Н. А. Трикоз), можно и сегодня выделить две особые категории социальных ценностей при сопоставлении ценностных портретов разных поколений:

- дифференцирующие — ценности, значимость которых различна для представителей рассматриваемых поколений, расхождения в восприятии данных ценностей препятствуют установлению межпоколенческого диалога;
- интегрирующие — общие, значимые для обоих поколений и поэтому способствующие их консолидации [3, с. 103].

Сегодня к **дифференцирующим ценностям**, очевидно, относятся ценности социального мировоззрения, семья и труд. Мировоззрение поколения, воспитанного в духе советской идеологии, основывается на идеях главенства коллектива над группой или личностью. Ценности коллективизма в значительной степени определяют представления пожилых людей о морали. Для них нормой является жизнь в коллективе и ради коллектива, отказ от личной выгоды в пользу блага других или общего блага. Идея социальной справедливости, в представлении старшего поколения, связывается с тем, что человек должен жить «как все», не выделяться из общей массы. Предприимчивость, инициативность, стремление к независимости и успеху, присущие индивидуализму молодежи, расцениваются стариками как отклонение от нормы. Для молодежи коллективизм старшего поколения — это красивый, романтический анахронизм. Ценности коллективизма не воспринимаются молодыми людьми как актуальные или значимые, поскольку все сферы современного общества — от образования до политики — предполагают включенность социального субъекта в некое подобие конкурентной борьбы.

Труд для старшего поколения — это норма жизни и форма социализации. Труд наполнял смыслом их существование. Советские люди работали, чтобы построить «светлое будущее», чтобы обеспечить следующим поколениям лучшую жизнь. Упорный труд и трудовой коллектив воспитали в них трудолюбие, ответственность, волю. Молодежи XXI в. непонятен смысл «труда ради труда». Биография их дедов, которые всю жизнь трудились и ничего не заработали, — это пример того, как не следует выстраивать свою жизнь. Труд в представлении молодых людей оправдан в случае, когда он ведет к улучшению благосостояния или жизненному успеху.

Семья для представителей старшего поколения является высшей ценностью. Многие социологи, характеризуя пожилых россиян, отмечают их готовность к самопожертвованию ради блага детей и внуков (В. В. Семенова, В. А. Ядов, Т. Б. Рябова и др.). Последнее прослеживается в ролевом наборе представителей старшего поколения, где доминируют социальные роли, связанные с выполнением обязанностей бабушек и дедушек, воспитателей своих внуков и трансляторов культурного капитала. Характерный для России образ «бабушки-мамы» породил в социологии понятие «русская бабушка» (russian babushka). В отечественных источниках данный термин используется для характеристики пожилых женщин, самоотверженно служащих своим внукам. Русские бабушки не только проводят значительную часть свободного времени с внуками, но также очень много разговаривают с ними. Именно последнее обстоятельство оказывает на детей огромное воспитательное воздействие [11, с. 326-354]. Для молодежи семья, напротив, не является актуальной жизненной ценностью. Молодые люди не торопятся обзаводиться собственной семьей, так как хотят получить образование, сделать карьеру, подольше «пожить для себя». Старшее поколение отождествляет такую жизненную стратегию с эгоизмом и гедонизмом.

К интегрирующим ценностям и сегодня относятся базовые общечеловеческие ценности. Практически все исследователи проблем взаимоотношения поколений признают, что такие духовные блага, как любовь, добро, справедливость, здоровье, честность, порядочность по-прежнему актуальны и для молодого, и для старшего поколения. Именно от этих ценностей отталкиваются все теоретические обоснования подходов к решению проблемы установления межпоколенческого диалога, предложенные на сегодняшний день, например, идеи социальной ответственности и солидарности поколений. Единственной интегрирующей жизненной ценностью, не относящейся к категории базовых общечеловеческих ценностей, для молодежи и старшего поколения является образование. Данная ценность пока не выступает в качестве теоретического базиса какой-либо стратегии уменьшения межпоколенческой дистанции, но она вполне могла бы им стать. Например, идея образования на протяжении всей жизни прекрасно согласуется с утверждением о том, что образование как жизненная ценность актуально и для стариков, и для молодежи. Но, к сожалению, популярная идея непрерывного образования не получила сегодня в обществе развития в форме теоретического подхода к решению проблемы установления межпоколенческого диалога. Практическое воплощение идеи сближения поколений на основе высокой оценки их представителями образования как жизненной ценности могло бы быть реализовано в рамках программ геронтообразования.

Взаимодействие специфических социальных ролей и статусов. В рамках любых образовательных практик интеракция субъектов образовательного процесса, в нашем случае — представителей разных поколений, осуществляется посредством ролей, предопределяемых социальными статусами учителя и ученика. В образовании пожилых эти роли имеют свою специфику. Особенно

специфичной оказывается роль учащегося. В социальной и культурной плоскостях старение связано, с одной стороны, с накоплением таких социальных статусов, как родитель, дед, наставник, учитель, старейшина и т. д., с другой — с постепенным исключением из ролевого набора социального субъекта роли ученика. В силу этого обстоятельства, ситуация интеграции пожилого человека в образовательный процесс нередко сопряжена с феноменом, который в социологии принято называть «ролевым конфликтом». Социальные роли, характерные для пожилого возраста, вступают в конфликт с ролями, присущими статусу учащегося. Социальный субъект оказывается перед непростым выбором: остаться в роли наставника или же поменяться местами с тем, кого еще совсем недавно учил сам. В первом случае пожилой человек уходит из образовательного учреждения (или вообще не обращается к его услугам), во втором — принимает такое распределение функций как должное. Существует еще и третий — пограничный вариант, когда пожилой учащийся не покидает учебное заведение, но при этом не может организовать свое поведение в соответствии со статусом ученика. Именно это маргинальное состояние представляет особый интерес для специалистов в области образования пожилых. Во-первых, описанная ситуация является специфической, не характерной для обучения на более ранних возрастных этапах. Во-вторых, результат разрешения данного конфликта будет во многом предопределять дальнейшую образовательную активность социального субъекта. Оговоримся, что ролевой конфликт, вызванный обращением пожилого человека к образовательной деятельности, не обязательно переходит в межличностную конфронтацию с «молодым» учителем. Значительно чаще он остается на внутрличностном уровне, связан с заниженной самооценкой когнитивных возможностей социального субъекта и протекает под девизом «я слишком стар, чтобы учиться».

Специфический статусный набор пожилых учащихся ставит перед педагогом задачу поиска путей адаптации учащихся к непривычным для них социальным ролям. Наиболее эффективной стратегией разрешения данной проблемы, на наш взгляд, является выстраивание взаимодействия учителя и ученика через «идеальные статусы субъектов образовательного процесса». В идеале статус ученика в геронтообразовании должен выступать результатом компромисса между необходимостью соответствовать роли субъекта образовательного воздействия и правом учащегося на уважение и внимание к себе как к пожилому человеку. Аналогично, идеальный статус учителя должен быть компромиссом между необходимостью уважительного отношения к пожилому человеку и требованиями социальной роли педагога.

Взаимодействие префигуративной и постфигуративной культуры. Ощущение дискомфорта, вызванное возвращением пожилого человека за парту, усугубляется тем, что в современных образовательных практиках учитель зачастую оказывается моложе своего ученика. Традиция «взрослых учиться у взрослых», безусловно, не является новой, она появилась задолго до институционализации образования, до появления в обществе первых профессиональных

учителей. Но особенность современной ситуации состоит в том, что учитель и ученик уже не являются представителями одного поколения. Сегодня дети и внуки начинают выполнять функции агентов социализации для своих родителей, бабушек и дедушек. Еще совсем недавно последнее утверждение звучало бы весьма сомнительно, поскольку авторитет старшего поколения, как носителя и транслятора уникального опыта, был неоспоримым. К примеру, советский геронтолог И. Давыдовский в восьмидесятих годах прошлого века писал: «Опыт и мудрость всегда были функцией времени. Они остаются привилегией зрелых и пожилых» [4, с. 59]. Но уже в середине девяностых многие исследователи приходят к выводу о нетождественности опыта и знания, все чаще высказывается мысль о том, что старики могут и должны учиться у молодежи. По мнению В. Д. Альперовича, «обладание опытом уже не означает информационного и интеллектуального превосходства. Напротив, молодежь становится носителем нового, более совершенного и современного научного знания, а опыт, накопленный старшими поколениями, тормозит внедрение результатов научно-технического прогресса. Конфликт „отцы и дети“ превращается в противопоставление старого опыта новому знанию» [1, с. 33]. Анализируя описанные выше изменения в процессах создания и трансляции культурных ценностей, американский исследователь М. Мид приходит к выводу о зарождении в современном обществе новой формы культуры — префигуративной, которая и определяет новый тип социализации. Префигуративная культура ориентируется главным образом на будущее. Сегодня дети вырастают в мире, которого не знали старшие, поэтому не предки и не современники, а сам ребенок определяет ответы на существенные вопросы бытия. И наоборот, старшее поколение никогда не увидит в жизни молодых людей повторения своего беспрецедентного опыта. Этот разрыв между поколениями ведет к тому, что жизненный опыт молодого человека сокращается на поколение, а воспроизведение его в отношении к своему ребенку или к своим родителям исчезает. М. Мид считала, что префигуративный тип социализации относится к постсовременности и начинает играть все более важную роль [9, с. 350-360].

Учитывая возрастание роли префигуративной культуры в социальных процессах, конфликт поколений в современном обществе можно интерпретировать в новом свете. Поколению, сформировавшемуся в рамках постфигуративной культуры, чрезвычайно трудно адаптироваться к новым социокультурным реалиям, в соответствии с которыми нормами становятся непрерывность и динамичность процессов ресоциализации и десоциализации социального субъекта, быстрое устаревание знаний, необходимость обучения в течение всей жизни (в том числе и у более молодых людей). Исторические источники свидетельствуют, что обострение проблем межпоколенческого взаимодействия и снижение авторитета старшего поколения в обществе или в локальных культурах нередко сопровождалось, а возможно, и инициировалось возрастанием актуальности префигуративного типа социализации. В модернизирующихся обществах четко прослеживается искусственное обесценивание социального опыта стариков,

ориентация в развитии на новые поколения. При этом в культурах, вынужденных в силу тех или иных причин модернизироваться в короткие сроки (с помощью революции или иного способа изменения социально-экономической структуры общества, обычно с целью преодоления отставания), отношение к старшему поколению отличается особой напряженностью [13, с. 83-84]. Аналогичные выводы встречаются и в работах К. Манхейма. Он также отмечал, что наибольший престиж пожилые люди имеют в статических обществах, которые развиваются постепенно при медленном темпе изменений, опираются главным образом на опыт старших поколений. Образование в таких обществах, по его мнению, сосредоточено на передаче традиций, а методами обучения являются воспроизведение и повторение [8, с. 443]. Очевидно, что в данной ситуации представители старшего поколения выступают наиболее актуальными и ценными агентами социализации. В системе образования им отводятся высшие статусные позиции — преподаватели, эксперты, управленцы и т. д. Экстраполяция идей К. Манхейма на быстро развивающиеся общества также наталкивает на вывод о связи социального статуса старшего поколения с динамикой развития социума и установившимся в нем типом социализации. Так, для современного стремительно развивающегося общества характерны постоянное усложнение социальных отношений, повышение наукоемкости технологий, возрастание объема актуальных знаний. Образование неизбежно начинает ориентироваться на инновации. Методы обучения все более ориентируются на подготовку учащихся к самостоятельному поиску знаний, которых, возможно, на момент получения образования даже не существует. Таким образом, социализация молодого поколения предполагает разрыв с прошлым. Социальная значимость пожилых людей как агентов социализации снижается, при этом влияние молодежи на старшее поколение заметно возрастает.

В современных практиках геронтообразования молодежь обучает старшее поколение не косвенно (информально), а непосредственно. Поэтому от участников специализированных образовательных проектов требуется не просто признать свою социальную или профессиональную некомпетентность и согласиться с тем, что у молодежи можно многому поучиться, а буквально сесть за парту и учиться у «молодого» учителя. Далеко не каждый пожилой человек к этому готов. Безусловно, в отдаленной перспективе решение данной проблемы будет связано с удовлетворением социальными институтами потребности общества в человеке, ориентированном на непрерывное образование. Пока же ощущение дискомфорта, которое могут испытывать пожилые люди, обучаясь у «молодых», следует рассматривать как одну из специфических черт данного контингента учащихся и учитывать ее при реализации образовательных программ для старшего поколения. В ближайшем будущем влияние префигуративных факторов на специфику протекания образовательного процесса значительно усилится. Это связано как минимум с двумя причинами. Во-первых, геронтообразование станет для представителей старшего поколения одним из немногих средств решения конкретных жизненных и профессиональных задач.

Обратиться к услугам образовательных учреждений будет вынуждено значительное число пожилых граждан, у многих из которых нетрадиционное распределение ролей субъектов образования не вызовет одобрения. Во-вторых, появление, расширение спектра и масштаба платных образовательных услуг для старшего поколения приведет к тому, что знания перестанут быть «гуманитарной помощью» и превратятся в товар. Данное обстоятельство позволит учащемуся потребовать от «молодого» преподавателя необходимой компетенции, наличия опыта, который традиционно ассоциируется со зрелым или пожилым возрастом.

Присутствующие в практиках геронтообразования аспекты межпоколенческого взаимодействия были рассмотрены нами главным образом как потенциальные источники конфликтов между «пожилыми» учащимися и «молодыми» учителями. Но в то же время очевидно, что адаптация к данным аспектам представителей старшего поколения в процессе обучения может способствовать их сближению с молодежью и вне учебного заведения. Участвуя в образовательных мероприятиях, пожилой человек постепенно и относительно безболезненно интегрируется в современную префигуративную культуру, получает навыки, необходимые для коммуникации с молодыми людьми. Приобретенный опыт может оказаться полезным при контакте с молодежью в повседневной жизни. Достаточно часто проекты геронтообразования реализуются на базе «традиционных» образовательных учреждений (школ, колледжей, вузов и т. п.). В такой ситуации влияние образовательных мероприятий на процесс сближения поколений подкрепляется фактором непосредственного взаимодействия слушателей с молодыми учащимися. Причем для молодежи эта интеракция также чрезвычайно полезна. Процесс уменьшения социальной дистанции между поколениями оказывается в данном случае двусторонним. Наличие у геронтообразования потенциала сближения поколений отмечалось еще организаторами первых специализированных образовательных проектов. Например, основатели университетов третьего возраста во Франции середины прошлого века надеялись, что появление в университетах пожилых людей станет стабилизирующим фактором массовых молодежных выступлений [16, с. 92].

Способом сокращения межкультурной дистанции в современных условиях становятся идея и практика межпоколенческого образования. Данным понятием обозначаются образовательные мероприятия, в ходе которых одно поколение узнает о другом поколении, представители двух или более поколений знакомятся друг с другом, учатся вместе и добывают новые знания вместе на основе взаимности, взаимного обучения через деятельность. Межпоколенческие образовательные программы нацелены не только на то, чтобы передать аудитории информацию по общей теме, они в первую очередь призваны научить слушателей устанавливать связи с представителями других поколений [14, с. 140]. Практика, а также специально проведенные исследования показывают, что далеко не все темы подходят для межпоколенческих образовательных программ. В качестве примеров «удачных» тем, находящих отклик у всех категорий слу-

шателей, можно назвать: отношения в семьях и в других сообществах; сельская или городская среда, где проживают учащиеся; общие события, которые проживаются поколениями по-разному [14, с. 139]. Идеальной «площадкой» для реализации проектов межпоколенческого обучения являются учреждения геронтообразования. Задача сближения поколений латентно присутствует в любых практиках образования пожилых, но в деятельности некоторых учреждений геронтообразования она явно прослеживается и выступает одной из главных детерминант функционирования. Многие программы образования лиц третьего возраста включают учебные курсы, нацеленные на развитие слушателей как субъектов межпоколенческого диалога. На них учащиеся осваивают психологические и педагогические приемы общения с представителями более молодых поколений, получают информацию об особенностях жизни, интересах, проблемах молодежи. Перечислим только несколько названий таких курсов, обнаруженных нами в российских учреждениях геронтообразования: «Межпоколенное взаимодействие», «Межпоколенческое общение», «Сторителлинг», «Семейная академия», «Семейный факультет», «Семьеведенье», «Молодежные субкультуры», «Снохи и свекрови», «Грамотные бабушки». В рамках специализированных образовательных проектов нередко реализуются мероприятия, предполагающие непосредственный контакт слушателей с молодежью. Так, в Люблинском университете третьего возраста (Словения) слушателям предлагается программа межпоколенческого обучения «Мы видим, слышим, мы читаем вместе». Она представляет собой периодически организуемые встречи учащихся со студентами факультета философии Университета Любляны. Участники совместно вслух читают произведения классической литературы, а также обсуждают прочитанное [14, с. 142]. При образовательном проекте «Дом поколений» (г. Орел) функционирует волонтерское агентство «Бабушка на час». Женщины-волонтеры помогают молодым семьям в воспитании детей. В Курском университете сеньоров постоянно функционирует волонтерский проект «Бабушки — к внукам». Слушатели университета навещают детей, оставшихся без попечения родителей, проживающих в областном реабилитационном центре для несовершеннолетних. Они приносят подарки, сделанные своими руками, — вязаные вещи, пироги и т. д. Их сверстницы из Университета поколений при Туймазинском государственном юридическом колледже активно участвуют в проекте «Бабушки — детям». Они взяли шефство над специализированным детским садом, в котором воспитываются дети с различными заболеваниями (слабослышащие, с нарушениями речи, умственно отсталые), а также помогают их родителям [15, с. 183].

Сегодня проблема интеракции поколений заключается не только в том, что им присущи различные ценности, смысложизненные ориентиры или представления о «правильном» типе социализации, но и в том, что у молодежи и стариков просто нет возможности понять, «чем живет и чем дышит» каждое поколение. Так, в современном российском обществе фактически отсутствуют сферы, предполагающие контакт представителей данных поколений. Когда-то есте-

ственное взаимодействие молодежи и стариков осуществлялось в семейной сфере, но, приобретая свою современную нуклеарную форму, семья утратила функцию связи поколений. В настоящее время геронтообразование является одной из немногих сфер контакта данных генераций. Это пространство межпоколенческого взаимодействия, в рамках которого старики и молодежь получают возможность в процессе непосредственного общения узнать и понять друг друга. Уменьшение межпоколенческого разрыва, сокращение межкультурной дистанции через диалог поколений можно рассматривать в качестве одной из миссий современного геронтообразования.

Итак, наличие проблемы взаимодействия поколений в современном обществе, ее острота являются факторами, затрудняющими, а подчас и обрекающими на провал любые попытки государства или общественных структур преодолеть негативные последствия демографического старения. Геронтообразование обладает большим потенциалом решения данной проблемы. Интеракция поколений в рамках образовательных проектов для пожилых осуществляется в трех аспектах: ценностном, статусном и культурном. Учет названных аспектов необходим для полноценной реализации потенциала сближения поколений, заложенного в геронтообразовании.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Альперович В. Д. Старость. Социально-философский анализ / В. Д. Альперович. Ростов-на-Дону: СКНЦ ВШ, 1998. 104 с.
2. Беспалова Ю. М. Ценностные ориентации молодежи современной России (межпоколенный подход) / Ю. М. Беспалова, С. М. Герцен // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2009. № 4. С. 117-126.
3. Гаврилюк В. В. Динамика ценностных ориентаций в период социальной трансформации / В. В. Гаврилюк, Н. А. Трикоз // Социологические исследования. 2002. № 1. С. 96-105.
4. Давыдовский И. В. Геронтология / И. В. Давыдовский. М.: Медицина, 1966. 300 с.
5. Ключарев Г. А. Непрерывное образование и потребность в нем / Г. А. Ключарев и др.; отв. ред. Г. А. Ключарев; ИКСИ РАН. М.: Наука, 2005. 173 с.
6. Кононыгина Т. М. Герагогика: пособие для тех, кто занимается образованием пожилых людей / Т. М. Кононыгина. Орел: Красная строка, 2006. 168 с.
7. Литвинова Н. П. Высшая народная школа в Санкт-Петербурге: опыт, проблемы, перспективы / Н. П. Литвинова, Т. В. Мухлаева, Е. А. Соколовская // Высшая народная школа: вчера, сегодня, завтра. Материалы по проекту «Подготовка менеджеров для высших народных школ» / под ред. Н. П. Литвиновой, Е. А. Соколовской, Т. В. Шадринной. СПб.: Тускарора, 2005. С. 46-49.
8. Манхейм К. Диагноз нашего времени / К. Манхейм; пер. с нем. и англ. М.: Юрист, 1994. 700 с.

9. Мид М. Культура и мир детства: избранные произведения / М. Мид; пер. с англ. М.: Наука, 1988. 429 с.
10. Постникова М. И. Исследование ценностей современных россиян в контексте межпоколенных отношений / М. И. Постникова // Изучение ценностей поколений в России: материалы международного конгресса «Психология XXI столетия». Т. 2 / под ред. В. В. Козлова. Ярославль: МАПН, 2008. С. 147-149.
11. Семёнова В. В. Бабушки: семейные и социальные функции прародительского поколения / В. В. Семёнова // Судьбы людей: Россия XX век. Биография семей как объект социологического исследования. М.: Институт социологии РАН, 1996. С. 326-354.
12. Семёнова В. В. Социальная динамика поколений: проблема и реальность / В. В. Семенова. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. 271 с.
13. Смолькин А. А. Социокультурная динамика отношения к старости: дис. кан. социол. наук / А. А. Смолькин. Саратов, 2004. 144 с.
14. Финдайсн Д. Солидарность и взаимосвязь поколений. Диалог поколений. Образование и обучение от поколения к поколению / Д. Финдайсн // Активное долголетие: актуальные тенденции в социальной политике и практике: материалы Международной научно-практической конференции. Туймазы: Туймазинский вестник, 2015. С. 134-143.
15. Хайруллин Р. Х. Развитие проекта ВОЗ «Город, где старость в радость, — город для всех возрастов» в г. Туймазы / Р. Х. Хайруллин // Активное долголетие: актуальные тенденции в социальной политике и практике. Материалы международной научно-практической конференции. Туймазы: Туймазинский вестник, 2015. С. 181-184.
16. Шапошникова Д. Т. Формы наднационального образования в России / Д. Т. Шапошникова // Новое в психолого-педагогических исследованиях. 2010. № 2. С. 88-96.
17. Яцемирская Р. С. Психопатология пожилого и старческого возраста: курс лекций / Р. С. Яцемирская. М.: Издательство МГСУ, 2002. 192 с.
18. Bengston V. L. Is the “Contract between Generations” Changing? Effects of Population Aging on Obligations and Expectations Across Age Groups / V. L. Bengston // The Changing Contract between Generations / edited by V. L. Bengston and W. A. Achenbaum. N. Y.: Aldine de Gruyter, 1993.

Gennadiy G. SOROKIN¹
Vera V. GAVRILYUK²

EDUCATION OF OLDER PEOPLE AS A WAY TO REDUCE THE INTERCULTURAL DISTANCE OF GENERATIONS

¹ Cand. Sci. (Soc.), Associate Professor,
Department of Business-Informatics and Mathematics,
Tyumen Industrial University
sgen1@yandex.ru

² Dr. Sci. (Soc.), Professor,
Institute of Management and Business,
Tyumen Industrial University
gavriliuk@list.ru

Abstract

The article analyzes the causes and specifics of the conflict between the youth and the older generation in modern society. This analysis is necessary to find ways of reintegrating older people into all spheres of public life. The nature of the generations' interaction is significantly influenced by the factor of the lack in the society of conflict-free spheres of interaction between youth and the elderly. One of such areas is the practices of older people's education. The paper examines three aspects of education programs for seniors. The value aspect is connected with the interaction of different value systems. The status aspect is manifested in the interaction of the student's and teacher's social roles. The cultural aspect reflects the interaction of different socialization types. The experience of preventing and resolving intergenerational conflicts, accumulated in the practices of older people's education, can be used in various spheres of public life. The authors come to the conclusion that the high appreciation of education (as a social value) by the old and young people can become the basis for a strategy of bringing these generations closer together. This strategy can be implemented in the framework of seniors' education programs. One of

Citation: Sorokin G. G., Gavrilyuk V. V. 2017. "Education of Older People as a Way to Reduce the Intercultural Distance of Generations". Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research, vol. 3, no 2, pp. 36-52.

DOI: 10.21684/2411-7897-2017-3-2-36-52

the missions of older people's education is the establishment of intergenerational dialogue in modern society.

Keywords

Sociology of education, sociology of old age, the conflict of generations, intergenerational interaction, education of older people.

DOI: 10.21684/2411-7897-2017-3-2-36-52

REFERENCES

1. Alperovich V. D. 1998. Starost'. Sotsialno-filosofskiy Analiz [The Old Age. Socio-Philosophical Analysis]. Rostov-na-Donu: SKNTs VSh.
2. Bespalova Yu. M., Gertsen S. M. 2009. "Tsennostnye orientatsii molodezhi sovremennoy Rossii (mezhpokolenny podkhod)" [Value Orientations of the Youth of Modern Russia (Intergenerational Approach)]. Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research, vol. 1, no 4, pp. 117-126.
3. Gavriilyuk V. V., Trikoz N. A. 2002. "Dinamika tsennostnykh orientatsiy v period sotsial'noy transformatsii" [Dynamics of Value Orientations in the Social Transformation Period]. Sotsiologicheskie issledovaniya, vol. 1, no 1, pp. 96-105.
4. Davydovskiy I. V. 1966. Gerontologiya [The Gerontology]. Moscow: Meditsina.
5. Klyucharev G. A. (ed.) 2005. Nepreryvnoe obrazovanie i potrebnost' v nem [The Lifelong Education and the Need for It]. Moscow: Nauka.
6. Kononygina T. M. 2006. Geragogika: Posobie dlya tekhn, kto zanimaetsya obrazovaniem pozhilykh lyudey [Geragogika: A Handbook for People Involved in the Seniors Education]. Orel: Krasnaya stroka.
7. Litvinova N. P., Mukhlaeva T. V., Sokolovskaya E. A. 2005. "Vysshaya narodnaya shkola v Sankt-Peterburge: opyt, problemy, perspektivy" [The Higher People's School in St. Petersburg: Experience, Problems, Prospects]. Materials on the project "Training of Managers for Higher People's Schools", pp. 46-49. St. Petersburg: Tuskarora.
8. Mankheyk K. 1994. Diagnostika nashego vremeni [Diagnosis of Our Time]. Moscow: Yurist.
9. Mid M. 1988. Kul'tura i mir detstva: izbrannyye proizvedeniya [The Culture and the World of Childhood. Selected Works]. Moscow: Nauka.
10. Postnikova M. I. 2008 "Issledovanie tsennostey sovremennykh rossiyan v kontekste mezhpokolennykh otnosheniy" [The Study of Modern Russians' Values in the Context of Intergenerational Relations]. In: V.V. Kozlova (ed.). Proceedings of the international congress "Psychology of the 21st Century. Studying the values of generations in Russia", vol. 2, pp. 147-149. Yaroslavl.
11. Semenova V. V. 1996. "Babushki: semeynye i sotsialnye funktsii praroditelskogo pokoleniya" [Grandmothers: Family and Social Functions of the Ancestral Generation]. In: Sudby lyudey: Rossiya XX vek. Biografiya semey kak ob'ekt sotsiologicheskogo issledovaniya, pp. 326-354. Moscow: IS RAN.

12. Semenova V. V. 2009. "Sotsialnaya dinamika pokoleniy: problema i real'nost'" [Social Dynamics of Generations: The Problem and Reality]. In: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya, pp. 110-120. Moscow: ROSSPEN.
13. Smolkin A. A. 2004. "Sotsiokul'turnaya dinamika otnosheniya k starosti" [Socio-Cultural Dynamics of Attitudes toward Old Age]. Cand. Sci. (Soc.) diss. Saratov: Saratov State Technical University.
14. Findaysn D. 2015. "Solidarnost' i vzaimosvyaz' pokoleniy. Dialog pokoleniy. Obrazovanie i obuchenie ot pokoleniya k pokoleniyu" [Solidarity and Correlation Between Generations. The Dialogue of Generations. Education and Training from Generation to Generation]. Proceedings of the International scientific-practical conference "Active longevity: current trends in social policy and practice", pp. 134-143. Tuymazy.
15. Khayrullin R. Kh. 2015. "Razvitie proekta VOZ "Gorod, gde starost v radost, — gorod dlya vsekh vozrastov" v g. Tuymazy" [Development of the WHO Project "A City Where Old Age is Full of Joy, is a City for All Ages" at the Tuymazy City]. Proceedings of the International scientific-practical conference "Active longevity: current trends in social policy and practice", pp. 181-184. Tuymazy.
16. Shaposhnikova D. T. 2010. "Formy nadnatsional'nogo obrazovaniya v Rossii" [Forms of Supranational Education in Russia]. *Novoe v psikhologo-pedagogicheskikh issledovaniyakh*, vol. 1, no 2, pp. 88-96.
17. Yatsemirskaya R. S. 2002. *Psikhopatologiya pozhilogo i starcheskogo vozrasta: kurs lektsiy* [The Psychopathology of the Elderly and Senile Age: A Course of Lectures]. Moscow: MGSU.
18. Bengston V. L. 1993. "Is the "Contract between Generations" Changing? Effects of Population Aging on Obligations and Expectations across Age Groups". Edited by V. L. Bengston, W. A. Achenbaum. N. Y: Aldine de Gruyter.